

водства в системе единого всероссийского хозяйственного организма, что сказалось и на социальной структуре, положении и представлениях, укладе и образе жизни всех проживавших там народностей, классов и социальных слоев и групп. В менявшемся облике Северного Кавказа на переломе двух столетий рельефно отразились характерные черты России, ему были присущи все типичные социально-экономические противоречия мира того времени.

Библиография

1. *Хоретлев А. О.* Прогрессивное влияние России на развитие просвещения и культуры адыгов в пореформенный период // Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.
2. *Меретуков М. А.* Из истории русско-адыгских отношений (вторая половина XIX — начало XX в.) // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991.
3. *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абадзехи // Зап. Кавказ. отдела ИРГО. Тифлис, 1902. Кн. 22. Вып. 4.
4. *Васильков В. В.* Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов для описания местностей Кавказа. 1901. Вып. 29.
5. *Шовгенов М. М.* Адыгейский театр (зарождение и развитие). Тбилиси, 1970.

А. А. Ахмедов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАЧАЛО И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА В КУЛЬТУРЕ АДЫГОВ: АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ

На наш взгляд, сегодня для культурологических исследований актуальны подходы, практикуемые в теории систем и теории информации. С их помощью мы представим историческое развитие адыгского этноса как специфической культурной системы,

в которой действовали механизмы эволюции за счет взаимодействия внешних и внутренних факторов. К последним относятся сознательные усилия индивидуумов и социальных групп (слоев) в соответствии со спецификой функциональной среды этнического культурного поля.

Лингвистический анализ раскрывает идентичность базовых лексических концептов и языковых реалий западно- и восточно-адыгских диалектов (несмотря на грамматические и фонетические различия), что дает основания говорить о едином адыгском языке. Идентичность свидетельствует о существовании единого культурного пространства различных субэтнических групп. Это коррелирует с историческими сведениями, в которых, во-первых, во временном аспекте отмечается территориальная непрерывность адыгского этнического ареала, во-вторых, его субэтнические и социальные компоненты, несмотря на описания внутренних междоусобиц, характеризуются внешними источниками как родственная общность, в которой функционирует общая коммуникационная среда. Также на фоне явной древности языка можно видеть сохранение эндогенного характера сущностных понятий языковой картины мира вплоть до начала Нового времени, когда в язык начали проникать лексические концепты фундаментального свойства. Они базировались на турецко-арабских заимствованиях (например, понятия о *разуме*, *линейном времени*, *мире как географическом пространстве*), ставших общезыковой реальностью, по-видимому, в XVIII–XIX столетиях. Сообщения внешних источников начиная со времен Античности свидетельствуют о том, что адыгский этнический ареал никогда не терял своего культурного суверенитета. Можно предположить, что в условиях территориального единства и этноязыковой однородности на определенном историческом этапе сформировалась общая, относительно самобытная этнокультурная среда, функционирование которой имело системные признаки.

Данные языка, фольклора и истории убедительно свидетельствуют об автохтонности адыгского этноса для Западного Кавказа. Вопрос о его продвижении на северо-восток дискусионен, но вышеназванные источники свидетельствуют, что с древних времен адыгская этнокультурная среда была включена в макрореги-

ональные процессы через походы, торговлю, отходничество, локальные миграции и т.д. Сохранность на этом фоне глубинных пластов языка и культуры вплоть до Нового времени дает основания предположить наличие неких медиативных слоев. Наше предположение подтверждается в ходе рассмотрения исторической социокультурной роли адыгских *уорков* и *пиш* — «дворян» и князей. Именно этот слой, существовавший за счет производящего населения и добычи, обеспечивал управление, связь с внешним для этносреды миром, защиту самобытности, гарантировал сохранность традиционного уклада. Он же выступал опорой *функциональной среды*, которая обеспечивала единство и развитие культурного и коммуникационного пространства в ареале обитания этноса: через институты локальных поездок, миграций, формальных и неформальных собраний, гостеприимства, покровительства сказителям-*джегуако*, иноземным путешественникам и купцам, а также духовенству (в доисламский период — *шоге-нам*) через систему разнообразных вертикальных и горизонтальных связей (родства, дружбы, вассалитета, союза, конфликта и т.д.). Этот же слой до середины XIX в. выступал как показатель, мерило культурных ожиданий и идеалов этнокультурной среды.

О том, что появление «благородного сословия» было системной реакцией этнокультурной среды, возникшей в ходе ее развития с учетом условий среды обитания и вызовов времени, можно судить, даже не привлекая сопоставительный материал из истории других стран и народов. Различия в положении, роли и численности «благородного сословия» у адыгских субэтнических групп исторически определялись характером местности, в которой они проживали. Наиболее самостоятельным было производящее население горных местностей на западе, наименее — открытых предгорных равнин исторической Кабарды. В 1760-е гг. по адыгскому этническому ареалу прокатилась волна крестьянских выступлений. Наибольшего успеха они добились на западе, где в племенах шапсугов и натухайцев власть высшей аристократии была уничтожена. Бжедуги, занимавшие промежуточное положение между Кабардой и Шапсугией по ландшафту местности и социально-экономическому укладу, в ходе восстания добились некоторых успехов, но в целом потерпели поражение. В Кабарде

итогом крестьянского выступления стал третейский суд, осудивший некоторые приобретающие системный характер «злоупотребления» знати. Несмотря на то что события приняли форму вооруженного противостояния, они должны рассматриваться как признак эволюционных изменений. И в Шапсугии, и в Бжедугии, и в Кабарде крестьяне выступали с позиций своих представлений о справедливости, которую они понимали как адекватное соответствие традиционным нормам. Это было реакцией этнокультурной среды на происходящие в ней изменения в свете вызовов времени. Оседлые, наиболее консервативные в отношении культурной самобытности и самоорганизованные крестьянские кланы и общины на западе адыгского этнического ареала забрали у аристократии функции контроля за функциональной средой. На востоке подобное было невозможно, и более основательный и авторитарный контроль кабардинского «благородного сословия» за функциональной средой культурного поля сыграл большую роль в различии исторической судьбы «демократических» и «аристократических», в терминологии российского кавказоведения XIX в., адыгских племен.

Несмотря на большие потери, понесенные «аристократическими» племенами в ходе противостояния с Российской империей, контроль «благородного сословия» за функциональной средой и сохранение его функций, медиативных по отношению к внешним для этноса факторам, обеспечили «амортизацию» прямого внешнего вмешательства. Это позволило этнокультурной среде трансформироваться в новых для нее условиях, при этом сохранив самобытное культурное ядро. «Демократические» племена, в этноареале которых резистенция этнокультурной среды носила характер непосредственных столкновений, постигла демографическая катастрофа.

Данный пример дает возможность поставить вопрос о роли элиты в истории адыгского этноса как культурной системы. В традиционной адыгской среде благодаря функциональному полю культурный опыт (например, информация о более эффективных способах хозяйствования или ведения военных действий), творческие интенции (например, фольклор или этические концепты), управленческие решения могли транслироваться в про-

странственным и временном измерении, взаимодействуя с совокупностью факторов и реакций и обеспечивая то или иное развитие системы в целом и ее отдельных элементов в частности. Пока сохранялась традиционная целостная этнокультурная среда (даже после разрушения прежней относительной самобытности культурной системы и ее включения в ряд макросистем: мусульманского мира, Российской империи, европейской цивилизации), сохранялось и ее функциональное поле, обеспечивавшее общую векторность среды, что позволяло говорить о цельной этнокультурной специфике.

Однако с середины XX в. адыгская этнокультурная среда настолько трансформировалась, раскрылась, что можно ставить вопрос о том, существует ли она на сегодняшний день как целое и цельное явление. При этом очевидно наличие этнокультурного сознания и определяемой им интеллектуальной активности у представителей адыгского этноса, что в свете мировых тенденций и социально-политической ситуации на Кавказе делает вопрос о его сегодняшней функциональной среде актуальным.

Р. А. Бекназаров

**ХЛЕБ В ТРАДИЦИОННОМ КАЗАХСКОМ
ОБЩЕСТВЕ (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX в.):
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛАХ
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА**

Можно предположить, что при условии регулярных контактов с оседлыми народами Средней Азии казахам Западного Казахстана хлеб, испеченный из пшеничной и ржаной муки, был